

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

DOI: 10.17805/zpu.2021.3.14

Как выпускница ЦКШ Мария Комиссарова сломала сценарий Ю. В. Андропова

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Материалы Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ), составляющие документальную основу публикации, свидетельствуют о том, что механизм функционирования партийной системы в СССР в условиях позднего сталинизма действовал по единой модели во всех регионах страны. В публикации освещается неизвестная страница «Ленинградского дела», связанная с проведением V пленума ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР 27–28 февраля 1950 г., в организации которого непосредственное участие принимал Ю. В. Андропов, второй секретарь ЦК компартии республики. На пленуме прозвучала критика «крупных недостатков и ошибок» в работе бюро и секретарей ЦК комсомола КФССР. Персональное задание, полученное Андроповым из Москвы, осложнялась тем, что в руководстве ЦК ЛКСМ республики, руководителем которого он был в 1940–1944 гг., находились его воспитанники. Обвинения в адрес каждого из них косвенным образом могло затронуть также Андропова.

В числе выдвинутых, участников V пленума, были второй секретарь ЦК ЛКСМ КФССР С. П. Татаурщиков и секретарь ЦК по кадрам М. В. Комиссарова, для которых их наставник Ю. В. Андропов являлся судьбоносной личностью, поддержка и участие которого во многом определили судьбу каждого. В публикации апробирован способ познания истории, основанный на ее человеческом измерении. Освещаются сюжеты, связанные с судьбами выпускников первых двух наборов Центральной комсомольской школы Марии Комиссаровой и Сергея Татаурщикова, их взаимоотношениями с Андроповым.

Ключевые слова: поздний сталинизм; «Ленинградское дело»; Карело-Финская ССР; Ю. В. Андропов; М. В. Комиссарова; С. П. Татаурщиков; Центральная комсомольская школа; пленум; комсомол

ВВЕДЕНИЕ

Волна «Ленинградского дела» (1949–1953 гг.) прокатилась по многим регионам ВСССР, но особенно болезненным был ее отголосок в 1949–1950 гг. в Карело-Финской ССР (см.: Васильев, Шепелев, 2016). Основанием репрезентации указанной темы являются традиции русской исторической школы, основанные на человеческом измерении истории, которое служит источником и инструментом формирования личностного, эмоционально окрашенного восприятия столь сложного периода советской истории, как поздний сталинизм. Подобные «трудные вопросы» отечественной истории раскрываются через судьбы людей (см.: Васильев, Васильева, 2014).

Сценарий событий в Петрозаводске в начале 1950 г. в полной мере соответствовал тому, что происходило в Ленинграде в 1949 г.: после разгромного партийного пленума следовал аналогичный комсомольский пленум. Через месяц после III карельского партийного пленума 24–25 января 1950 г., на котором «снимали» ленинградского партийного выдвиженца Г. Н. Куприянова, на V пленуме ЦК ЛКСМ КФСР 27–28 февраля 1950 г. прозвучала критика «крупных недостатков и ошибок» в работе бюро и секретарей ЦК комсомола республики.

35-летний второй секретарь ЦК компартии Карело-Финской ССР Ю. В. Андропов получил непростое персональное задание из Москвы. Ему поручалось провести V пленум ЦК комсомола республики, аналогичный ленинградскому пленуму 12 августа 1949 г., которым руководил секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин. Как и Шелепин, Андропов выступил на пленуме с докладом. Однако, в отличие от разгромного ленинградского пленума, установка была иная. Она выражалась в позитивной позиции, высказанной Андроповым участникам пленума ЦК комсомола республики: «Имеет смысл договориться о том, чтобы решение пленума было капитальным документом, которое будут обсуждать комсомольские организации» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 14. Д. 853. Л. 385).

Для Андропова ситуация осложнялась тем, что в руководстве ЦК комсомола республики, руководителем которого он был в 1940–1944 гг., находились его воспитанники. Преемник Андропова в должности руководителя карельского комсомола В. И. Голубев работал шестой год в должности первого секретаря ЦК ЛКСМ республики. В числе выдвиженцев были второй секретарь С. П. Татаурщикова, секретарь ЦК по кадрам М. В. Комиссарова, зав. отделом П. И. Удальцов. Бывший второй секретарь Н. С. Тихонов уже более 10 месяцев работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. Все они представляли комсомольское поколение военного времени. Обвинения в адрес каждого из них косвенным образом могло затронуть также Андропова, являвшегося, по выражению Марии Комиссаровой, «судьбоносной личностью», поддержка и участие которого во многом определило судьбу каждого (Шлейкин, 2014: 73).

Участники V пленума ЦК ЛКСМ союзной республики Мария Комиссарова и Сергей Татаурщикова представляли два первых выпуска Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Мария училась в первом наборе в 1944–1946 гг., Сергей — во втором в 1946–1948 гг. Оба «цекашова», как себя с гордостью называли слушатели этого уникального учебного заведения, являлись воспитанниками комсомола Карело-Финской республики.

МАРИЯ КОМИССАРОВА

Комиссарова Мария Васильевна, 1921 г. рождения, русская, уроженка села Римское Медвежьегорского района. Окончила среднюю школу № 11 г. Медвежьегорска. В 1942 г. стала комсоргом ЦК ВЛКСМ при Полгинском механизированном пункте Медвежьегорского леспромхоза. В марте 1942 г. на заседание бюро ЦК ЛКСМ в Беломорск (военную столицу Карело-Финской ССР) вызвали комсорга Марию Комиссарову для отчета о работе молодежи. В леспромхозе заготавливали топливо — дрова для паровозов Кировской железной дороги. На Полгинский лесопункт, в довоенную пору являвшийся одним из гулаговских «лесоповалов», мобилизовали около 140 девушек 16–18 лет, никто из которых в лесу прежде не работал. Разместили в трех бараках, где ранее жили заключенные (см.: Шлейкин, 2014: 73).

Комсорга Комиссарову в дорогу собирали все вместе: нашли солдатскую зеленую юбку, зеленую крепдешиновую блузку, дали новые ватные штаны и чуни. На

ноги надели огромные высокие сплавные сапоги, сверху загнули их в несколько рядов. В таком одеянии Мария в одиночку пошла пешком по Выгозеру тридцать километров. Конечно, ей было страшно, думала: или волки загрызут, или замерзнет по дороге — но дошла.

На заседании бюро в Беломорске Мария впервые увидела Андропова. Он, видимо, не представлял, что можно увидеть девушку в таком одеянии. Идет заседание бюро, она с энтузиазмом докладывает о лесозаготовках, а он смотрит, сдерживая смех, улыбается и подбадривает: «Продолжайте. Продолжайте...» После бюро состоялась беседа. Андропов попросил Марию задержаться, через пару дней ей выдали новую обувь — грубые, но добротные сшитые кожаные сапоги. Андропов в напутствие сказал: «Даем вам эти сапоги. Мало ли где-то придется выходить в свет...» (там же: 74).

Летом 1943 г. в Беломорске состоялась вторая встреча с Андроповым. Он сказал: «Мы вас переводим в Ругозерский райком комсомола вторым секретарем» (там же). А это район в основном с карельским населением. Мария растерялась: она не знала карельского языка. Андропов успокоил: «Вы поедете в этот район на полгода специально изучать карельский язык. Вам надо будет научиться разговаривать с людьми на карельском... запишитесь, например, в народный хор, учите стихи, выступайте. Научитесь говорить...» (там же: 74).

В январе 1944 г. Марию вновь вызвали к Андропову. На вопрос: «Как, Мария Васильевна, научилась карельскому языку?» — ответила, что научилась разговаривать, но свободно пока еще не владеет языком (там же: 143). Андропов сообщил, что Марию решили направить в Тунгудский район первым секретарем. В этом карельском районе столкнулась с тем, что некоторые родители не разрешали своим детям — комсомольцам говорить с секретарем райкома по-русски, велели переходить на карельский. Мария говорила: «...вот тогда я поняла и оценила предвидение Андропова, поняла, зачем он меня посылал в Ругозерский район, где я стала учиться карельскому языку» (там же).

В июле 1944 г. Марию вызвали в освобожденный Петрозаводск (в столицу она приехала в сапогах, которые получила в Беломорске в 1942 г.). Андропов сообщил: «Теперь мы вас направляем первым секретарем Прионежского райкома комсомола» (там же). По воспоминаниям Марии Комиссаровой, каждая новая встреча с Андроповым, беседа с ним учили ее уму-разуму. Она запомнила кредо своего наставника: каждое дело надо делать ответственно, доводить до результата и оценивать по результату. Он сказал тогда: «Будете беседовать с людьми, которые находились в оккупации... имейте в виду, что вам не все скажут правду. Потому что во время оккупации кто-то в страхе находился, кто за проволокой в лагере был. Возможно, кто-то специально будет скрывать правду. Вам надо быть очень внимательной в разговорах. И без приказов, без принуждения восстанавливать молодежь в комсомоле, создавать первичные организации» (там же).

В октябре 1944 г. Марию вновь пригласили в ЦК ЛКСМ. Андропов сообщил новость: открывается Центральная комсомольская школа, республике дано одно место, решили отправить на учебу Марию Комиссарову. Вначале отказалась: в Петрозаводске жила с мамой, из эвакуации ожидали приезда семьи старшего брата, им некому помогать. Андропов предложил ей подумать, дал на это неделю. От Андропова вышли вместе со вторым секретарем Федором Кузнецовым. Он говорит: «Маша, какая ты дура! Ну как же поступаешь? На всю Карелию дали одно место на учебу в Москву, тебе его предлагают, а ты отказываешься! Проживут родные без тебя, война скоро кончится. А тебе надо дальше учиться. Через неделю пойдешь на встре-

чу с Андроповым со мной. Ты не дипломат...» (там же: 144). В результате уговорили. Андропов сообщил: «Школа-то новая. Надо иметь приданое — комплект белья, подушку, одеяло». Девушка растерялась: «Есть, только не знаю, пустят ли с этим в Москву». Собрали приданое — постельные принадлежности, парусиновые туфли и сшили два платья, одно из синего материала, другое из красного кумача. Провели субботник, напилили, накололи дров для матери. Старенькая мама сказала: «Доченька, какие люди-то хорошие с тобой работают» (там же).

В 1944–1946 гг. Мария Комиссарова училась в ЦКШ — элитном учебном заведении. Первый набор в составе 260 слушателей ЦКШ был уникален по качественной характеристике. По подсчету автора и сделанной на основании личных дел выборке, 82 слушателя являлись фронтовиками. Более трети слушателей из общего набора воевали на фронтах Великой Отечественной войны в самое трудное время — 1941, 1942, 1943 гг., были награждены боевыми орденами и медалями в период войны (см.: Васильев, Мухамеджанов, 2011: 14), когда подобные высокие боевые награды вручались нечасто. Первый выпуск слушателей в количестве 238 человек состоялся в сентябре 1946 г. Выпускникам ЦКШ выдавался диплом образца высших учебных заведений на правах учительского института, они получали незаконченное высшее образование.

После окончания ЦКШ Мария Комиссарова работала в ЦК АКСМ КФССР зав. отделом рабочей молодежи (1946–1949 гг.). С 17 июня 1949 г. до 10 июля 1950 г. являлась секретарем ЦК комсомола республики по кадрам.

СЕРГЕЙ ТАТАУРЩИКОВ

Другой цекашовец Татаурщикова Сергей Павлович родился в 1923 г. в Ярославле, русский. В июне 1941 г. окончил среднюю школу № 37. Работал секретарем комитета комсомола на Ярославском механическом заводе, в аппарате обкома ВЛКСМ и секретарем райкома комсомола. В июне — июле 1942 г. прошел обучение в спецшколе № 1 НКВД в г. Покрове Московской области. В качестве политрука отряда партизанского пополнения из 50 человек, сформированного в Ярославле, по направлению ЦК ВЛКСМ прибыл на Карельский фронт. Получил назначение на должность политрука взвода партизанского отряда «Железняк».

Об Андропове Татаурщикова знал еще в предвоенные годы, когда он являлся первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. Первое знакомство произошло в Беломорске летом 1942 г. в Карельском штабе партизанского движения. Когда Андропов узнал о прибытии группы ярославцев, он подробно расспрашивал о новостях в городе и в обкоме комсомола.

За время участия Татаурщикова в боевых действиях (1942–1944 гг.) он дважды встречался с Андроповым. В апреле 1943 г. ЦК АКСМ республики утвердил Сергея Татаурщикова помощником комиссара партизанского отряда по комсомолу. В октябре 1943 г. ЦК АКСМ провел совещание помощников комиссаров отрядов, посвященное 25-летию комсомола. Разговаривали с Андроповым о делах в отряде, о личной жизни партизан. По воспоминаниям Татаурщикова, «влияние Юрия Владимировича, как одного из руководителей партизанского движения, мы всегда ощущали. Он и подсказывал нам порой, давал хорошие советы, организовывал посылки от мирного населения» (Шлейкин, 2014: 141). В июне 1944 г. Андропов направил начальнику штаба партизанского движения ходатайство об отзыве из партизанских отрядов группы молодых партизан, которых лично хорошо знал, в распоряжение ЦК АКСМ для использования их в работе в освобожденных районах. В их

составе был Татаурщикова. Его избрали первым секретарем Заонежского райкома комсомола. В 1945–1946 гг. Сергей Татаурщикова работал первым секретарем Петрозаводского горкома ВЛКСМ. Инициатива выдвижения на должность руководителя столичной городской комсомольской организации принадлежала Андропову. В тот период он являлся вторым секретарем Петрозаводского горкома партии.

По словам Татаурщикова, «очень хотелось работать под его началом. Уже тогда о нем говорили как о человеке талантливым, прекрасном организаторе» (Шлейкин, 2014: 141). Время было трудное: приходилось восстанавливать столицу республики после нескольких лет оккупации.

В 1946 г. Сергея Татаурщикова направили на учебу в ЦКШ в Москву. Общий контингент слушателей второго набора составлял 213 человек. Мандатная комиссия ЦК ВЛКСМ строго подходила к отбору слушателей, ее председателем был секретарь ЦК комсомола А. Н. Шелепин. В период второго набора на двухгодичную подготовку на отделение комсомольской работы было рекомендовано обкомами, крайкомами, ЦК ЛКСМ 316 кандидатов, из них допущено к приемным испытаниям 187 человек, к зачислению же на отделение комсомольской работы было рекомендовано и принято 105 человек. Результаты приемных испытаний в ЦКШ свидетельствовали о пробелах в знаниях, обусловленных военной порой. По истории СССР, географии, истории ВКП(б) комиссия поставила Татаурщикова оценку «хорошо», а вот по русскому языку — «плохо» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 58. Д. 437. Л. 23). Занятия второго набора слушателей начались 15 октября 1946 г. Татаурщикова учился до конца 1947/1948 учебного года. В протоколе заседания ГЭК ЦКШ от 20 июля 1948 г. — только отличные оценки за выпускные экзамены по философии, политэкономии, истории СССР. В числе 15 выпускников из 194 слушателей второго набора ЦКШ Татаурщикова получил диплом с отличием (РГАСПИ. Ф. М-24. Оп. 1. Д. 16. Л. 149).

Выпускник ЦКШ собрался ехать домой, но возникло препятствие. Под конец учебы Московский горком партии выделил для ЦКШ ставку освобожденного секретаря партбюро школы. На эту должность избрали Татаурщикова. Но он решительно был настроен вернуться в Карелию. Пошел на прием к первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову, к секретарю ЦК комсомола А. Н. Шелепину. Позвонил в Петрозаводск Андропову. Поехал в Петрозаводск, пришли с Андроповым к Г. Н. Куприянову, партийному руководителю республики. Куприянов позвонил по «вертушке» Шелепину. После напряженного разговора сказал: «Все, завтра мы утверждаем вас секретарем ЦК ЛКСМ по кадрам» (Шлейкин, 2014: 240). По словам Татаурщикова, он был несказанно рад, но в Москве его не поняли. Шелепин говорил, не стесняясь в выражениях: «Какого черта нужна тебе эта Карелия?» (там же).

Описание данной жизненной коллизии, основанное на воспоминаниях С. П. Татаурщикова, подтверждается документально: в РГАСПИ удалось обнаружить свидетельства этой истории. Еще в апреле 1945 г. Шелепин направил ходатайство секретарю МК ВКП(б) Б. Н. Черноусову о выделении ставки освобожденного парторга в ЦКШ, которая определялась как «школа специального назначения» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 357. Л. 29–30). Со временем вопрос был решен положительно. Другой документ — правительственная телеграмма из Петрозаводска в ЦК ВЛКСМ от 14 июля 1948 г. В ней говорится: «Просим откомандировать товарища Татаурщикова, окончившего Высшую школу комсомольских работников, для работы секретарем Цекамола республики по кадрам... Секретарь Цекакомпарта Карело-Финской ССР Г. Куприянов». На документе резолюция, написанная четким и узнаваемым почерком Шелепина: «Я об этом говорил с т. Куприяновым и т. Андроповым»

(РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 58. Д. 437. Л. 25). Секретариат ЦК ВЛКСМ своим решением от 8 сентября 1948 г. постановил направить Татаурщикова в распоряжение ЦК ЛКСМ КФССР. В характеристике, адресованной в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), подписанной Шелепиным, отмечалось: «Успешно совмещал хорошую учебу с работой секретаря партийной организации школы. Глубоко вникал в содержание учебно-воспитательного процесса, умело направлял работу партийного бюро», «опытный, принципиальный и добросовестный работник» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 58. Д. 437. Л. 11).

В ЦК ЛКСМ Карело-Финской республики С. П. Татаурщиков работал секретарем ЦК по кадрам (1948–1949 гг.), вторым секретарем (1949–1950 гг.), первым секретарем ЦК комсомола (3 марта — 7 июля 1950 г.).

У ПЛЕНУМ ЦК ЛКСМ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

На пленуме ЦК комсомола республики (27–28 февраля 1950 г.) Ю. В. Андропов внес предложение об освобождении от должности первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР В. И. Голубева, однако именно он защитил Голубева от предлагавшихся радикальных формулировок в резолюции пленума, которые имели бы гораздо более серьезные последствия для последующей судьбы комсомольского руководителя. Опять же Андропов внес предложение и убедил пленум избрать новым первым секретарем ЦК комсомола республики своего представителя Сергея Татаурщикова. Татаурщиков вспоминал: «...вся тяжесть вынужденных кадровых перемещений легла на Андропова. Он пригласил меня во время этого самого пленума и сказал: “Сергей, надо браться, твоя очередь...”» (Шлейкин, 2014: 240).

Следует отметить важное обстоятельство: отправленный в отставку на пленуме преемник Андропова опальный Василий Голубев давал письменные объяснения не следователям из группы чекистов, даже не сотрудникам Комиссии партийного контроля, а первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. Фамилии Андропова в показаниях Голубева не встречается. В решении бюро ЦК ВЛКСМ в отношении Голубева зафиксирована формулировка «освободить», а не «снять», что являлось большой разницей в отношении последующей судьбы.

Сохранившиеся в РГАСПИ архивные документальные свидетельства подтверждают, что материал для открытия «дела» в карельском комсомоле собирался заранее. Особенно это касалось материалов о поездке и пребывании второго секретаря ЦК ВЛКСМ ленинградца В. Н. Иванова и ленинградской делегации во главе со вторым секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ А. Г. Ситниковым на II съезд комсомола Карелии в апреле 1947 г., т. е. почти за три года до V пленума. Внутренняя пружина «дела Голубева», как свидетельствуют архивные документы, непосредственно связана с «Ленинградским делом».

В августе 1944 г. Голубев стал вторым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии, после ухода Ю. В. Андропова на партийную работу его избрали первым секретарем. В 1948 г. В. И. Голубев был награжден двумя орденами: орденом «Знак Почета» (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 1948 г. в связи с 25-летием республики) и орденом Ленина 28 октября 1948 г. в связи с 30-летием ВЛКСМ. В апреле 1949 г. он был делегатом XI съезда ВЛКСМ, выступал на этом съезде, избран членом ЦК ВЛКСМ, в январе 1950 г. на III пленуме ЦК компартии КФССР стал членом бюро ЦК. И вдруг произошел стремительный разворот: орденосца, члена ЦК ВЛКСМ, члена бюро ЦК компартии республики снимают с должности и отправляют в Олонецкий район на работу зав. сельскохозяйственным отделом райсовета.

Организаторам раскрутки «Ленинградского дела» понадобились данные об отношениях руководителя комсомола Карелии с представителями Ленинграда. Результаты проверки появились в записке члена ЦК ЛКСМ П. И. Мартынова от 18 февраля 1950 г., адресованной вновь избранному партийному руководителю республики А. А. Кондакову. Автор записки с сентября 1949 г. работал инструктором орготдела ЦК компартии республики, до этого был зав. отделом ЦК комсомола Карелии. Ленинградский след являлся главным обвинением в указанном документе. Все другие факты звучали на этом фоне как второстепенные.

История с докладной запиской Мартынова в партийный орган Карело-Финской республики повторила аналогичный сценарий для активизации дела, который использовался в Ленинграде в 1949 г., — донос второго секретаря обкома ВЛКСМ М. Р. Васьковского на своих коллег. В обоих случаях автором подобного «сигнала» являлся фронтовик, орденосец, член партии, однако имевший определенные грехи в собственном поведении, которые не позволяли отказаться от предложенной сверху функции осведомителя. Петр Иванович Мартынов прошел всю войну, участник Сталинградской битвы, имел боевые ордена: орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды, медали. При освобождении Донбасса в боях за г. Иловыйск совершил подвиг, водрузив под огнем врага красный флаг на вершине господствующей горы. Его именем назвали улицу в Иловыйске. Однако заслуженный фронтовик имел нарекания за аморальные поступки в быту. Большинство выступающих на V пленуме ЦК ЛКСМ приводили конкретные факты из его личной жизни (инициатором выступила секретарь ЦК по кадрам Мария Комиссарова), в результате общего голосования, несмотря на поддержку Андропова, Петр Мартынов был исключен из состава ЦК комсомола республики «за аморальное поведение в быту» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 14. Д. 853. Л. 407).

Данный сюжет описан в воспоминаниях участника пленума С. П. Татарщикова. По его свидетельству, «нашу республику не обошло стороной знаменитое “Ленинградское дело”... Как всегда, нашлись люди, которые хотят погреть руки на таких “жареных” вещах. Нашелся один такой и у нас... Написал докладную записку, по-народному говоря — донос, на Голубева, первого секретаря ЦК комсомола республики. Хотя оснований для обвинений не было. Голубев честно трудился, может, уровень немного не дотягивал, но дело ведь не в этом...» (Шлейкин, 2014: 240).

Сценарий V пленума был подготовлен Андроповым. По его замыслу, острое выступление Мартынова, основанное на острых материалах докладной записки, должно было задать критический настрой работе всего пленума. Главной задачей являлось создание импульса для критики секретарей, ЦК комсомола. Мартынов был записан в числе первых выступающих на V пленуме — пятым среди участников прений. Ключевой фразой в выступлении Мартынова прозвучало: «Голубев — это маленький Куприянов в комсомоле, он копировал последнего...» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 14. Д. 853. Л. 143). Опальный бывший первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянов, выдвигенец ленинградской партийной организации, в тот период после отставки находился в Москве «в распоряжении ЦК ВКП(б)».

Эмоциональное выступление секретаря по кадрам Марии Комиссаровой (она выступила в первый день пленума после перерыва) нарушило запланированный андроповский сценарий пленума. Она обрушилась с резкой критикой в адрес недавнего своего коллеги по работе в аппарате ЦК ЛКСМ Петра Мартынова. Комиссарова заявила следующее: «Я его знаю давно как комсомольского работника и скажу, что я раньше не представляла его таким. Меня удивило его выступление.

Приведенные им факты мне не известны. Я никак не могу простить Мартынову, что он знал об этих фактах и молчал, будучи секретарем партийной организации. Я должна сказать, что он был подхалимом и продолжает занимать такую же позицию... Сегодня я тебя вижу критикующим в тот момент, когда ты чувствуешь поддержку в ЦК партии, и я уверена, что ты не вылез бы на трибуну с критикой, если бы не чувствовал поддержку со стороны ЦК партии. Все это методы достижения высокой карьеры, я просто прозрела после твоего выступления» (там же: 207–208).

Выступление Марии Комиссаровой было бескомпромиссным и смелым. Она заявила о недостатках партийного руководства со стороны ЦК компартии республики: «Я всю свою жизнь после окончания средней школы работала в комсомоле. Начала работать, когда нашу работу возглавлял тов.[арищ] Андропов. Партия учит, что комсомол должен работать под руководством партии. По-моему, ошибки, которые допустило бюро ЦК комсомола, могут объясняться тем, что партийная организация не помогла вовремя вскрыть эти недостатки. Почему тов.[арищ] Голубев возглавлял нашу организацию, учил нас, а на 6-й год ему говорят: ты не способен работать. Это для меня не понятно. Я считаю, что партийные органы не совсем правильно вели себя по отношению к нам, не помогли вовремя разобраться в ошибках и недостатках» (там же: 210).

Вероятно, со времен учебы в ЦКШ в сознании Марии было сформировано убеждение, что критика и самокритика лишь тогда представляет собой эффективное средство воспитания кадров, когда она проводится не от случая к случаю, а постоянно, систематически. Комиссарова напонила, как Мартынов на каждом бюро ЦК говорил Голубеву: «Василий Иванович, правильно, я так и думал» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 14. Д. 853. Л. 208). Поэтому она считала правомерным, чтобы пленум потребовал объяснений от Мартынова, почему он не вскрыл раньше все факты в отношении Голубева. Мария Комиссарова обратилась и к Андропову: «Я считаю, что он и у Вас, товарищ Андропов, допустил подлость, не дал возможности вскрыть эти ошибки и недостатки на пленуме ЦК партии... стоило ли Голубева вводить в состав бюро ЦК партии? Очевидно, Мартынов не информировал ЦК партии, и мы сейчас в заблуждении, что оказались перед таким фактом. Я затрудняюсь расценивать это явление, мне не понятно...» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 14. Д. 853. Л. 209).

Огонь критики со стороны секретаря ЦК по кадрам обрушился также в сторону моральных качеств Мартынова: «Ты сегодня не сказал, что думал сделать, чтобы воспитать ребенка у тебя, который появился на свет. На бюро Мартынов вел себя неправильно, заявив, что он не уверен, что это его ребенок. Это нечестное отношение к ребенку — это я бы сказала как член бюро» (там же: 208–209).

После выступления Комиссаровой практически каждый участник прений критически оценивал Мартынова — его работу в комсомоле, личные качества. Апофеозом стало яркое выступление члена ЦК ЛКСМ Екатерины Варфоломеевой. Она потребовала от Мартынова оказать помощь ребенку: «Мартынов пытается отказаться, что это ребенок не его. Товарищ Мартынов, есть живые свидетели, что ребенок ваш. Несмотря на то, что ребенку только 10 месяцев, говорят, что и характер у него ваш» (там же: 313). Варфоломеева заявила, что Мартынов «по-хамски относится к девушкам», «без интимной связи между девушкой и юношей он не представляет отношений» (там же), «девушкам, которые отказывались удовлетворить его требования “дружбы”, Мартынов прямо заявлял: нечего и время тратить и кровь портить» (там же: 314). Екатерина публично призналась: «...хамское заявление сделал он в отношении меня, когда на практике ему не удалось проверить, возможны

ли чистые, дружеские отношения с девушками. Он сказал, мне стыдно говорить при всех: “Во имя чего ты себя бережешь? Чем я плохой парень?”» (там же).

Доклад второго секретаря ЦК КП(б) КФССР Ю. В. Андропова состоялся в завершение пленума 28 февраля 1950 г. Больше всех досталось Марии Комиссаровой. Андропов заявил: «Комиссарова выступала с явной позиции заглушить критику на пленуме... Комиссарова говорила, что она считает поведение Мартынова непартийным, некомсомольским, и пыталась со всех позиций зайти в адрес Мартынова. Она говорит, что выступает как коммунист, как секретарь ЦК комсомола и просто как человек. Со всех сторон заходит, чтобы отстрелить Мартынова. Только с одной стороны не дошла. Если бы она как коммунист отнеслась к выступлению Мартынова, то она сказала бы, что он совершенно правильно поставил ряд острых вопросов, показал деятельность ЦК комсомола, его бюро и его секретарей» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 14. Д. 853. Л. 354).

Логика рассуждений Андропова заключалась в следующем. Подход к критике, когда человек пытается выступить с разоблачениями недостатков, неправилен. Вместо поддержки его обвиняют в том, почему он раньше не говорил. Это является зажимом критики. Никто не критикует недостатков в будущем. Критикуют за прошлые недостатки. Одни люди вскрывают недостатки раньше, другие позднее, но так или иначе эти недостатки в прошлом. Что было бы, если бы каждому, кто говорит о недостатках, сказали: где ты был раньше, почему год назад не говорил? Это средство заглушить критику, потому что при таком отношении к критике никому не придет в голову еще раз выступить. Поэтому, по его мнению, «Комиссарова выступала неправильно. Это можно расценивать, как попытку заглушить критику, ослабить постановку вопроса со стороны Мартынова» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 14. Д. 853. Л. 355). Андропов утверждал: «Комиссарова не дошла до постановки вопросов, как это сделал Мартынов теперь, и пытается тем самым увести пленум от критики своих недостатков. Поэтому я считаю, что и сегодня на пленуме мы не имели нужной критики, мы имеем товарищей из ЦК комсомола, которые старались заглушить критику» (там же: 356).

Одновременно Андропов был вынужден признать, что Мартынов действительно допустил «непартийное поведение» в быту, при этом уточнил, что с Мартыновым по этому поводу была беседа, это его «слабое место и за это его правильно щелкали» (там же), и дело пленума — разобраться с Мартыновым в отношении обвинений, которые ему предъявлялись. Фраза «Он у меня на заметке давно по этим делам» не могла не вызвать улыбки у участников пленума. В результате общего голосования, несмотря на поддержку Андропова, инструктор ЦК компартии Петр Мартынов был исключен из состава ЦК комсомола республики «за аморальное поведение в быту» (там же: 407).

В истории республики ни до, ни после не было подобного пленума. Руководители комсомола Карело-Финской ССР критически оценивали не только собственную работу и деятельность своих коллег по ЦК комсомола республики, но и открыто критиковали партийных руководителей, включая Андропова, для многих из которых он был наставником и учителем. Татаурщиков высказал свое мнение: «Много мыслей исходило от вас. Разве сейчас вы утратили эту способность? Вы можете для нас многое сделать» (там же: 302). Андропов ответил: «Товарищ Татаурщиков обижался на меня, что я должен был оказывать помощь ЦК комсомола, но не оказывал ее, принимаю эту критику, так как это вполне справедливо» (там же: 365). В данном случае он принял критику на себя, хотя мог бы этого не делать. Дело в том, что, со-

гласно распределению обязанностей в ЦК КП(б) республики, вопросами комсомола ведал первый секретарь. Вторым секретарь Ю. В. Андропов персонально отвечал за работу промышленности. Тем не менее он внимательно воспринял критику комсомольских руководителей в свой адрес и отреагировал на нее. В повестку IV партийного пленума ЦК (30–31 мая 1950 г.) был включен вопрос «О состоянии и мерах по улучшению работы республиканской комсомольской организации». Андропов выступил с докладом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период позднего сталинизма в качестве одного из партийных руководителей Карело-Финской республики Андропов оказался в фокусе противостояния политических элит в 1949–1950 гг. и сыграл в нем отведенную ему роль. Следует констатировать существенные отличия в кадровых последствиях ленинградского пленума 12 августа 1949 г. и V пленума ЦК ЛКСМ КФССР в феврале 1950 г. В Ленинграде последствия не ограничились «снятием» с должностей руководителей ленинградского комсомола. Всеволод Иванов погиб в тюремных стенах, его преемник в руководстве ленинградским комсомолом Всеволод Чернецов был осужден на 15 лет по трем пунктам статьи 58, в том числе по обвинению в измене родине. Многие были исключены из партии. В Петрозаводске не было судебных дел и серьезных партийных взысканий. Представляется, что во многом это заслуга Ю. В. Андропова, имевшего поддержку маленковской партийной группировки, противостоявшей ленинградской партийной группе.

На V пленуме ЦК ЛКСМ КФССР первым секретарем был избран С. П. Татауршиков, секретарем по кадрам по-прежнему работала М. В. Комиссарова. В июле 1950 г. они были переведены на партийную работу. Примечательно, что на IV съезде комсомола Карело-Финской ССР (8–9 июля 1950 г.) новым первым секретарем был избран заведующий кафедрой комсомольской работы ЦКШ при ЦК ВЛКСМ В. В. Чупий, бывший второй секретарь Кемеровского обкома комсомола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев, Ю. А., Васильева, М. Ю. (2014) Влияние идей Христиана Вольфа на мировоззрение М. В. Ломоносова // *Власть*. № 3. С. 121–125.
- Васильев, Ю. А., Мухамеджанов, М. М. (2011) История Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. 1941–1969. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 66 с.
- Васильев, Ю. А., Шепелев, В. Н. (2016) Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // *Исторический архив*. № 3. С. 3–31.
- Шлейкин, Ю. В. (2014) Андропов. Карелия, 1940–1951... : биографическая хроника. Петрозаводск : Острова. 288 с.

Дата поступления: 17.05.2021 г.

HOW A GRADUATE OF THE CENTRAL KOMSOMOL SCHOOL MARIA KOMISSAROVA
BROKE THE SCRIPT OF YU. V. ANDROPOV
YU. A. VASILYEV
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The materials of the Russian Archive of Social and Political History (RGASPI), which constitute the documentary basis of the publication, indicate that the mechanism of the functioning of the party system in the USSR under the conditions of late Stalinism operated according to a single

model in all regions of the country. The publication highlights an unknown page of the “Leningrad case” associated with the holding of the fifth plenum of the Central Committee of the Komsomol of the Karelian–Finnish SSR on February 27–28, 1950, in the organization of which Yu. V. Andropov, second secretary of the Central Committee of the Communist Party of the republic, was directly involved. At the plenum, criticism was voiced of «major shortcomings and mistakes» in the work of the bureau and secretaries of the republic’s Komsomol Central Committee. The personal assignment that Andropov received from Moscow was impeded by the fact that now his pupils were in the leadership of the Central Committee of the Komsomol of the republic, which he headed in 1940–1944. The accusations against each of them could indirectly affect Andropov as well.

Among the nominees, participants in the fifth plenum, were second secretary of the Central Committee of the Komsomol of KFSSR S. P. Tataurshchikov and secretary of the Central Committee for personnel M. V. Komissarova, for whom their mentor Yu. V. Andropov was a fateful personality, whose support and participation largely determined the fate of everyone. The publication tested a way of understanding history based on its human dimension. Plots related to the fate of the graduates of the first two sets of the Central Komsomol School Maria Komissarova and Sergei Tataurshchikov, their relationship with Andropov are covered.

Keywords: late Stalinism; “Leningrad case”; Karelian-Finnish SSR; Yu. V. Andropov; M. V. Komissarova; S. P. Tataurshchikov; Central Komsomol School; plenum; Komsomol

REFERENCES

Vasiliev, Yu. A. and Vasilieva, M. Yu. (2014) Vlijanie idej Hristiana Vol’fa na mirovozzrenie M. V. Lomonosova. *Vlast’*, no. 3, pp. 121–125. (In Russ.).

Vasiliev, Yu. A. and Muhamedzhanov, M. M. (2011) *Istorija Central’noj komsomol’skoj shkoly pri CK VLKSM. 1941–1969*. Moscow, Moscow University for the Humanities. 66 p. (In Russ.).

Vasiliev, Yu. A. and Shepelev, V. N. (2016) Bor’ba politicheskikh jelit v uslovijah pozdnego stalinizma. Karel’skij otgolosok «Leningradskogo dela». 1949–1950 gg. *Istoricheskii arkhiv*, no. 3. pp. 3–31. (In Russ.).

Shleikin, Yu. V. (2014) *Andropov. Karelija, 1940–1951... : biograficheskaja bronika*. Petrozavodsk, Ostrova. 288 p. (In Russ.).

Submission date: 17.05.2021.

Васильев Юрий Альбертович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и регионоведения Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374–70–88. Эл. адрес: vasyural@mail.ru

Vasilyev Yuriy Albertovich, Doctor of History, Professor, Professor, Department of History and Regional Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374–70–88. E-mail: vasyural@mail.ru